

городом в России считался тот, в котором было 500 дворов без учета беломестных.

³ С 1652 г. кабаки стали называться кружечными дворами, а кабацкие книги, соответственно, книгами кружечных дворов.

⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 61.

⁵ Тимошина Л.А. О публикации таможенных книг в 1999–2000 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 216–222.

С. Диксон. Екатерина Великая. Лондон, 2009*

Профессор Саймон Диксон относится к числу наиболее известных специалистов Великобритании по истории России XVIII в. Взгляд на прошлое как на единый исторический процесс, в котором нельзя провести жесткие границы между сферой экономики, политики и общественного сознания, обусловил широту его научных интересов. В центре исследовательских предпочтений Диксона неизменно находилась история православной Церкви: этой тематике была посвящена докторская диссертация профессора, ряд статей и монография¹. Несколько лет назад вышел объемный труд о модернизации, охватывающий период с конца XVII столетия до царствования Николая I². Рецензируемая книга, в которой воссоздается исторический портрет Екатерины II, может считаться своеобразным итогом размышлений ученого о развитии русского общества в век Просвещения, изображенного сквозь призму судьбы одного человека – императрицы.

Масштаб и дерзость поставленной задачи осознавались самим автором, о чем он заявляет в первых строках предисловия: «Считается, что Иисус Христос, Наполеон и Рихард Вагнер стали наиболее притягательными фигурами для биографов. Можно сказать, что Екатерина Великая следует непосредственно за этими персонажами». Положение исследователя, принявшегося за историю жизни самой яркой русской императрицы, дольше всех Романовых остававшейся на престоле, осложнялось весьма внушительной традицией научных биографий Екатерины II. Только на английском языке в последние десятилетия появились 2 серьезные работы: профессора И. Мадариаги и Д. Александра³. Не случайно Диксон вынужден был сразу определить специфику своего подхода, выделяющего его работу на фоне исследований столь авторитетных специалистов. Автор показывает, что в отличие от Мадариаги, которая в своей фундаментальной монографии о Екатерине II представила всеобъемлющую картину русского общества второй половины XVIII столетия, он ограничился именно историей жизни императрицы. С другой стороны, профессор попытался иначе, чем в работе

Александера, расставить акценты и не уделять излишне повышенного внимания частным обстоятельствам ее судьбы. Таким образом, со страниц книги предстала сложная противоречивая фигура крупнейшего политического деятеля века Просвещения, масштабной личности, философа и мецената на троне и в то же время самодержца, манипулирующего придворными партиями, не гнушающегося интриг и заговоров и окруженного чередой сменяющихся фаворитов.

Несмотря на то что в книге манера подачи материала приближена к художественной (каждая глава начинается с импрессионистской зарисовки, достигает кульминации и, как правило, имеет неожиданный финал), в целом автор избрал хронологический принцип изложения. Лишь в «Прологе» нарушается последовательность событий и изображается рубежный этап в судьбе героини, разделивший ее жизнь на 2 части – коронация Ее Императорского Величества государыни Екатерины II. Затем автор вновь возвращается в небольшой немецкий город Штетин к детским годам Софи Фредерики Августы Ангальт-Цербтской.

Если большинство биографов рассматривают германский период и полтора десятилетия, проведенные великой княгиней Екатериной Алексеевной при дворе Елизаветы, лишь как прелюдию к «великому правлению» императрицы⁴, то Диксон посвящает половину своей монографии годам, предшествующим ее коронации. В центре внимания исследователя оказывается крошечный двор в Цербсте, дворы Брауншвейга и Вольфенбюттеля, прусский двор Фридриха II и, конечно же, придворная жизнь Петербурга. Действительно, в XVIII столетии двор являлся единственным центром политической, интеллектуальной и культурной жизни тонкого слоя тесно связанной между собой европейской элиты. «Россия жила тогда двором», – писал А.И. Герцен в предисловии к публикациям князя Щербатова и Радищева⁵. В историографии последних десятилетий, особенно после работ Н. Элиаса и Р. Уортмана⁶, двор рассматривается как сложный социальный организм со своей системой

* Dixon S. Catherine the Great. L.: Profile Books, 2009. 448 P.

иерархии, патронажа, скрытых интриг, распределения ролей и театрализации исполненного многозначной символики действия. Следуя социо-культурологическим принципам анализа, Диксон идет дальше и детально воспроизводит не только противоречивые отношения различных персонажей и групп при русском дворе, но и «сцену», на которой разворачивались исторические события, включая расположение и функции различных помещений Зимнего дворца, облик загородных резиденций, убранство придворных церквей и т.п. Более того, стремясь к визуальной достоверности и воссозданию «чувства места», автор изображает строительство Петербурга, открытие памятника Петру I, картины первопрестольной в дни работы Уложенной комиссии, облик городов, которые посещала императрица во время своих путешествий.

Образность подачи материала дополняется картами, изображающими европейскую часть России во второй половине XVIII в., движение войска Е. Пугачева, основные места сражений двух русско-турецких войн, разделы Польши и, наконец, схему Петербурга и пригородов. Кроме того, книга снабжена богатым иллюстративным материалом, начиная от репродукций портретов Екатерины и заканчивая фотографиями табакерок, сервизов, интерьеров изучаемого периода.

Определенный импрессионизм изложения определил источниковую базу работы и стилистику подачи материала. Автор основывается на письмах и дневниках современников, богатейшей корреспонденции самой императрицы, ее знаменитых Записках, дипломатических депешах, законодательстве. Многочисленные персонажи – придворные, посланники, монархи европейских государств, масоны, военачальники, губернаторы, ученые, философы, лакеи и т.д. – предстают как различные биографические типы со своими неповторимыми обстоятельствами жизни. Текст изобилует большим количеством цитат из нарративных документов, и все изложение превращается в калейдоскоп коронаций, придворных торжеств, маскарадов, театральных представлений, военных походов, дипломатических интриг. Одна сцена сменяет собой другую, придавая даже оттенок кинематографичности всему повествованию. Пожалуй, можно сказать, что автор выступает и как тонкий психолог, пытаясь не только дать многогранный портрет личности императрицы, но и проникнуть в тайные мотивы ее поступков. О таком подходе свидетельствуют, в частности, названия некоторых глав: «Амбиции», «Петербургская дева Мария», «Философ на троне», «Поиск эмоциональной стабильности», «Зенит».

В целом можно отметить, что в монографии изложение превалирует над анализом, точность исторических деталей и фактов остается без глубокой интерпретации, а существующий в науке острый историографический дискурс заменяется данным в приложении списком литературы для дальнейшего чтения. Здесь следует отметить, что такой подход стал сознательным выбором автора, который попытался совместить академическую фундаментальность с живым, ярким и порой остроумным рассказом. В связи с этим неизбежно встает вопрос о целевой аудитории этой книги. Во-первых, она, безусловно, рассчитана на англоязычного читателя и содержит массу пояснений, не нужных для человека, живущего в России и русским языком пространстве. Во-вторых, книга адресована как специалистам, так и тем людям, которые объединяются понятием «широкая читающая публика», что приближает работу к жанру «Жизнь замечательных людей», причем, к лучшим образцам этой серии⁷. При этом следует заметить, что и любой специалист, профессионально занимающийся второй половиной русского XVIII в., найдет в книге Диксона много интересных фактов и тонких наблюдений⁸. Может быть, в этом и заключается мастерство историка – опираясь на обширную документальную базу, дать объективную и всестороннюю картину ушедшей эпохи, совместив научный анализ с живым рассказом, который в данном случае сам становится средством эвристического познания.

**Е.Н. Марасинова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ См., например: *Dixon S. The Russian Orthodox Church in Imperial Russia 1721–1917. Eastern Christianity. Cambridge University Press, 2006.*

² *Dixon S. The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge University Press, 1999.*

³ См.: *Alexander J. Catherine the Great: Life and Legend. Oxford, 1989; Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981* (данное исследование переведено на русский язык: *Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002*).

⁴ Исключение составляет, пожалуй, работа немецкого историка К. Шарфа (*Scharf C. Katharina II: Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995*).

⁵ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева (Факсимильное издание). М., 1984. С. IX.

⁶ *Элиас Н. Придворное общество. М., 2002; Уортман П.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2002.*

⁷ Речь в данном случае идет именно о тех произведениях, которые лишены домыслов и соединяют хороший язык с точностью фактов и обязательным научным аппаратом ссылок (См., например: *Песков А.М.* Павел I. М., 2000; *Елисеева О.Ю.* Екатерина Великая. М., 2010).

⁸ Например, автор подробно описывает законодательную деятельность Екатерины II, дает развернутые характеристики ее статс-секретарям, пытается очертить причины так и не состоявшегося нового Уложения, уточняет дату похорон фаворита императрицы А.Д. Ланского и т.п.

А.И. Куприянов. Культура городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2009. 328 с.

Историография русского города конца XVIII – первой половины XIX в. пополнилась новым интересным исследованием. По определению самого автора, оно находится в русле «новой политической истории», в центре внимания которой – феномен власти и социокультурные представления современников о ней. Цель А.И. Куприянова состояла в том, чтобы «выяснить представления горожан о месте и роли институтов самоуправления в жизни общества, о способах их коммуникации с государственными учреждениями, о престиже должностных лиц и иерархии выборных служб» (с. 4). В книге охвачены 2 российских региона: «Нечерноземный центр (Московская и Тверская губернии) и Западная Сибирь (Тобольская и Томская губернии)» (с. 5). Выделение Западной Сибири как отдельного объекта для изучения вполне правомерно, что же касается «нечерноземного центра», то использование данного термина (применявшегося при характеристике экономического районирования СССР) в работе, освещающей городские реалии XVIII в., представляется достаточно спорным.

Первая глава монографии посвящена конфигурации власти в провинциальном городе. В ней автор поддерживает гипотезу Б.Н. Миронова, согласно которой власть в городе была поделена между чиновниками и выборной верхушкой городского самоуправления. По мнению Куприянова, эта точка зрения в большей степени соответствует реалиям провинциальной жизни, чем господствующий взгляд на бесправность самоуправления (с. 23). Особое внимание в главе уделено проблеме выборов в русском дореформенном городе, исследование которых, как верно отмечено в книге, выводит ученых на целый круг важных вопросов, связанных с историей города, политической культуры, взаимодействия городских сословий, а также государства и общества. Но, сетует автор, «в исторической литературе проблемы борьбы на выборах в местное самоуправление русских дореформенных городов еще не были предметом специального внимания» (с. 29). Однако в последние годы вышел ряд специ-

альных работ по истории выборов в русских городах конца XVIII – начала XIX в.¹ В них рассматриваются и те проблемы, которые исследует автор рецензируемой монографии. Едва ли не самая сложная из них – состав городских избирателей. В современной учебной и справочной литературе широко распространено мнение А.А. Кизеветтера о том, что «Жалованная грамота городам» 1785 г. позволяла голосовать в собрании общества градского только владельцам капитала в 5 тыс. руб. и более, т.е. лишь купцам 1-й и 2-й гильдий. Куприянов в этой связи справедливо отмечает, что в случае отсутствия в городе обладателей столь значительных капиталов закон допускал участие в голосовании и менее состоятельных горожан (с. 30). Автор указывает, что «в Западной Сибири со временем право голоса было фактически предоставлено всем домовладельцам из числа купцов, мещан и цеховых» (с. 30). Например, в Нижнем Новгороде мещане участвовали уже в самых первых местных выборах после издания «Жалованной грамоты». Касаясь участия в городских выборах дворян и чиновников, Куприянов делает вывод, что они при решении дел города «самоустраились или были вытеснены» – сказывались неприязненное отношение к представителям «благородных сословий» со стороны купечества и мещанства и «социальный и культурный снобизм» дворян (с. 31–33).

Городские выборы рассматриваются автором и как «акт коммуникации царской власти и градского общества». Куприянов справедливо отмечает, что «имперская власть позаботилась о том, чтобы придать выборам характер дела государственной важности и официального торжества». После описания обычных процедур, предшествовавших выборам (публичное зачитывание соответствующих статей законодательных актов, молебен в церкви, присяга), автор указывает, что тверской генерал-губернатор принц Георг Голштейн-Ольденбургский счел нужным скорректировать этот «обыденный порядок», утвердив в 1811 г. «Обряд выборов купечества и мещанства в губернском городе Твери на трехлетие с 1812 года» (с. 33).